

Гермиона молча уставилась на директора, отчаянно пытаясь переварить обвинение, которое, подобно палочке почтенных волшебников, было направлено против нее.

Интеллектуально она знала это с тех пор, как впервые открыла страницы Хогвартса; История четырехлетней давности о том, что Дамблдор был самым могущественным светлым волшебником века — некоторые утверждают, что всех времен. Его поражение от темного волшебника Гриндевальда в тысяча девятьсот сорок пятом году стало легендой.

Но только сейчас, когда она посмотрела на метафорический ствол элегантной палочки директора школы, когда она буквально почувствовала необузданную магическую силу, излучаемую августейшим волшебником, она смогла по-настоящему установить связь между могущественным волшебником, о котором она читала, и часто эксцентричный, иногда причудливый директор, которого она знала.

— Теперь ты скажешь мне, кто ты, кто тебя подослал и что ты сделал с настоящей Гермионой Грейнджер? Голос Дамблдора не повышался, но нельзя было не заметить угрозу в его тоне или вспышку гнева в его сапфировых глазах, сменившую его обычное озорное мерцание.

Она открыла рот, чтобы возразить, но быстро закрыла его, повторив движение несколько раз, так как она потеряла дар речи из-за необоснованных обвинений против нее. Ее молчание мотивировало ее, как она быстро поняла, потому что любая защита, которую она пыталась предложить против обвинения, мало что изменит; самозванец будет заявлять об их невиновности так же громко, как и она.

Дамблдор явно расценил ее растерянное молчание как отказ подчиниться его приказу, потому что добавил; «Профессор Снейп скоро прибудет с достаточным количеством сыворотки правды, чтобы обеспечить нашу беседу на весь вечер».

Гермиона могла только вообразить ярость Гарри и Рона, если бы она позволила слизеринскому декану накачать ее сывороткой правды — она не могла допустить, чтобы это произошло.

Она закрыла рот, тихо взяла себя в руки, а затем спросила настолько ровным и сдержанным голосом, на какой только была способна, все еще глядя на древко жезла величайшего колдуна прошлого века: «Профессор, я Гермиона Грейнджер. Как я могу вам это доказать?»

Ответ, который Дамблдор, очевидно, ожидал дать, застыл у него на губах, директор вопросительно посмотрел на нее, склонив голову набок, как будто переоценивая ее. Огонь в его глазах сменился выражением, которое Гермиона прочитала как любопытство — очевидно, это была не та реакция, которую он ожидал от нее. Он наклонил нос вперед, так что теперь он смотрел поверх своих очков-полумесяцев, его тонкие белые брови сведены вместе в глубокой концентрации.

Гарри время от времени говорил о своей вере в то, что профессор Дамблдор может читать мысли, просто взглянув на кого-то, и, прочитав школьные уроки далеко за пределами СОВ следующего года, она знала, что такой подвиг действительно возможен.

Однако мысль о том, что, возможно, это именно то, что происходит сейчас, была быстро отброшена в сторону, когда она втянула короткий, резкий глоток воздуха, как чувство, похожее на проглатывание галлона ледяной воды, проникающее в ее сердце, а затем распространяющееся. быстро и болезненно к ее конечностям.

Но даже когда боль пронзила ее, ее рациональный разум кричал внутри; это неправильно!

Но это не так. Ничто из того, что она читала, не говорило о том, что чтение мыслей должно быть болезненным; если, конечно, вы не пытались активно защититься от него, используя навык, который она прочитала о окклюменции, — защиту, которую она сама знала, неспособную установить. Она просто не обладала знаниями, необходимыми для защиты от такого вторжения.

Не то чтобы она пыталась сделать это, даже если бы у нее была такая сила, потому что, хотя она не была слишком взволнована мыслью о том, что профессор роется в ее сокровенных чувствах, если бы это послужило очищению ее имени, она бы приняла это. .

Вдалеке она поняла, что кто-то кричит; рациональная часть ее разума несколько удивилась, обнаружив, что звук исходит не от нее, а от Альбуса Дамблдора.

Ее последним взглядом перед тем, как она зажмурила глаза от боли, был взгляд профессора Дамблдора, ладонь которого была прижата к виску в явной агонии, он был близок к обмороку, его губы приоткрылись в мучительном крике, теперь замолчавшем.

Она чувствовала, как мир кружится вокруг нее даже сквозь закрытые веки, завинченные в попытке предотвратить боль и головокружение.

Наконец, когда боль стала невыносимой, ее сознание не столько ускользнуло от нее, сколько разорвалось на части. Ее маленькое тело соскользнуло с крылатого кресла и приземлилось на пол скомканной грудой, как и хрупкое тело ее директора.

Незаметно для них, в другой части раскинувшегося замка Гарри тоже без сознания рухнул на пол.

ooo

Гермиона проснулась, хотя это был не совсем правильный оборот для описания того, как к ней вернулись чувства.

Изображение за изображением проносилось перед ее глазами в монохромном мире, в котором она проснулась, каждая отдельная сцена длилась всего несколько мгновений, заставляя ее снова закрыть глаза от головокружительного ощущения. Ее подсознание регистрировало сходство этих образов с обрывками снов, которые она иногда могла вспомнить сразу после

двери, с громким грохотом на петлях, когда деревянная дверь коснулась камня. стена, обрамлявшая его, а затем приглушенные, но безошибочно узнаваемые голоса, возвысившиеся в споре.

"...откровенный вандализм!" — возмущенно воскликнул первый голос. «Я тебя исключаю за это...»

Второй голос, более далекий и неразборчивый, перерезал первый, и, хотя она не могла расслышать его содержание, она поняла по тону, что это была язвительная реплика, немедленно заставившая замолчать первого оратора.

Она еще раз попыталась открыть глаза, чтобы найти источник шума, но безуспешно, это усилие лишило ее той малой силы, которой она, казалось, обладала.

— Северус, — добавил третий, гораздо более близкий голос, который, как она знала, должна была узнать, но не могла определить в своем нынешнем замешательстве. «Пожалуйста, разрешите нашему гостю войти».

Голоса, кем бы они ни были, теперь умолкли после краткого и неразборчивого ответа первого оратора. Шум их недолгого спора сменился тяжелыми шагами кого-то, вбегающего в комнату, и второй серии шагов, медленно и тяжело удаляющихся в другом направлении.

"Профессор!" раздался голос, который даже ее запутанные чувства могли распознать — Гарри . «Что с ней не так? Что он с ней сделал? С ней все будет в порядке...»

— Мистер Поттер! строгий голос мадам Помфри отрезал Гарри от остальных вопросов. «Я требую, чтобы вы контролировали себя. Профессор Снейп не сделал ничего, чтобы навредить мисс Грейнджер, на самом деле он предупредил меня о ее состоянии, а профессор Дамблдор не в том состоянии, чтобы быть...»

Но то, для чего директор был не в состоянии, осталось невысказанным, поскольку Гермиона, подстрекаемая присутствием Гарри, сумела выдавить из пересохших губ два слова; "Что случилось?" Ее челюсть казалась неподвижной и неиспользованной, как будто она не говорила целую вечность, слова выходили легким шепотом. Настолько, что ей стало интересно, был ли вообще слышен ее вопрос.

"Гермиона!" Гарри мгновенно оказался рядом с ней, отвечая на ее безмолвные размышления, обеими руками сжимая ее правую руку, лежащую на мягкой постели. Его руки были горячими на ощупь, как будто он физически напрягся, но капельки пота были холодными и липкими, что свидетельствовало о состоянии глубокого шока. "Я побежал прямо сюда, как только я пришел в себя," продолжал он. «Я так волновался», — заключил он, одновременно подтверждая ее собственный диагноз и одновременно задавая ей новый вопрос для размышления — что Гарри имел в виду под «как только я пришел в себя»?

Голос мадам Помфри прозвучал гораздо ближе к ней, чем прежде, и вернул ее мысли к настоящему. — Мисс Грейнджер, вы нас слышите? прежде чем она добавила вполголоса к Гарри; «Если ты должен торчать здесь, как больной любовью щенок, по крайней мере, иди и сделай себя полезным. Принеси мне ту тележку с пузырьками с зельем».

Гермиона могла представить себе бесстрастное выражение лица суровой матроны, когда она увещевала своего парня, но они не могли ошибиться в легком тоне веселья.

Через мгновение она услышала приближение грохочущей тележки, которую, по-видимому, толкал Гарри.

— Вот, дорогая, выпей это, — приказала целительница, прижимая горлышко стеклянного флакона к ее губам.

Гермиона послушно открыла рот и одним движением выпила содержимое едкой на вкус жидкости.

Тепло быстро окутало ее тело, оживив ее чувства, и она открыла глаза и увидела обеспокоенные наполненные изумрудом глаза Гарри, парящие прямо над ней. Она ободряюще улыбнулась ему, но вместо того, чтобы рухнуть обратно в кресло рядом с кроватью, которую она занимала с облегчением, как она ожидала, она заключила ее в крепкие объятия.

— Мерлин, Гермиона, — сказал он, почти вдыхая слова ей в шею. — Я думал, что снова потерял тебя. Я не мог этого вынести. Я... я люблю тебя, Гермиона.

«Эй... ты меня любишь?» — ответила она с трудом, сердце ее, казалось, увеличилось в два раза по сравнению с нормальным размером и поселилось в горле. Его заявление отодвинуло ее многие вопросы в сторону; вопросы вроде того, как она оказалась в лазарете; что Гарри имел в виду своим более ранним заявлением о том, что он «пришел в себя»; и почему директор, по-видимому, также был госпитализирован в палату, поскольку теперь она заметила, что он лежит на кровати рядом с ее собственной.

Однако слова, которые она так хотела сказать; «Я тоже тебя люблю, Гарри», сорвавшееся с кончика ее языка, так и не сорвалось с ее губ, так как их момент был прерван;

"Вы любите ее?"

Новый и неожиданный голос был мгновенно узнаваем обоими, отодвигая эти вопросы еще дальше в сторону.

"Рон?" — спросили они оба, высвобождаясь из их объятий и одновременно поворачивая головы в сторону дверного проема, где стоял младший сын Уизли, выражение его лица боролось между раздражением и удивлением.

Гермиона знала, что ей все еще необходимо поболтать с другой своей лучшей подругой, но она не предполагала, что сделает это в присутствии мадам Помфри и профессора Дамблдора, выражение лица которого было нейтральным, хотя его сапфировые глаза сияли, глядя на троицу.

— Да, хорошо. Пока вы кажетесь спокойным, мисс Грейнджер, — сказала мадам Помфри после того, как громко и явно фальшиво откашлялась, нарушив неловкое молчание, повисшее между тремя подругами. «Я буду в своем кабинете, проверю результаты ваших анализов», — заключила она, оправдываясь, чтобы уйти. Гермиона предложила ей молчание благодаря ее удаляющейся спине, когда она суежилась.

— Да, приятель, — сказал Гарри, вставая лицом к своему старому другу-мужчине. "Я люблю ее."

Рон сделал шаг вперед в комнату. — Ты действительно хочешь поговорить об этом прямо сейчас ? — спросил он, переводя взгляд с пары на Дамблдора и обратно.

— Простите меня, мистер Уизли, — вмешался Дамблдор, говоря громче, чем обычно, и очень тщательно выговаривая слова. — Вам придется это повторить. Одним из неприятных побочных эффектов восстанавливающего средства, которое дала мне мадам Помфри, является то, что я стал совершенно глухим, — закончил он, бросив быстрый и понимающий взгляд в сторону Гарри и Гермионы. «Временно», — быстро добавил он в ответ на их озабоченные выражения.

— О, ну, хорошо, — сказал Рон, проходя дальше в комнату, прежде чем он, казалось, понял, что сказал. "Ну, нехорошо... очевидно, но... гм... лучше... то есть для меня... для нас... э... немного помогите, ребята!" — умоляюще закончил он, снова переключая внимание на своих ближайших друзей.

Гарри подавил смешок, и губы Гермионы расплылись в широкой улыбке. «Я действительно не думаю, что он слышит тебя, Рональд», сказала она, кивнув в сторону директора, который теперь пристально изучал рвы пыли, плавающие в свете фонаря над его кроватью, тихо напевая себе под нос.

— Ага, не думаю, — ответил Рон, кратко продемонстрировав свою самую очаровательную кривую ухмылку, глядя на забавное зрелище, прежде чем его взгляд остановился на паре перед ним, и его ухмылка исчезла при этом.

— Я действительно люблю ее, Рон, — повторил Гарри, нарушая неловкое молчание, грозившее снова погрузиться.

— Я... я не знал, — сказал Рон, шаркая ботинком по полу. — Я думал, ты просто, ну знаешь, дурачишься...

Гермиона нахмурилась. «Неужели он так мало думает обо мне» , — сердито подумала она, но

Рон быстро продолжил, возможно, слишком хорошо прочитав выражение ее лица. - Я не хотел, чтобы она пострадала, знаешь ли, - пожал он плечами, рассеянно почесав затылок. — Ты мне как сестра, Гермиона, — добавил он, встретив ее голубые глаза.

Гнев Гермионы утих так же быстро, как и вспыхнул. «Спасибо, Рон. Это самое приятное, что мне когда-либо говорили», — добавила она тихо и радостно, кроме того, что Гарри сказал мне, что любит меня.

— И я думаю, — продолжил Рон с долей своего старого юмора. — Если кто-то и подходит нашей Гермионе, так это Гарри, — и он хлопнул своего лучшего друга по плечу, оба мальчика одинаково широко ухмыльнулись. «Кто угодно лучше, чем Крам». — добавил он, подмигнув, прежде чем наклониться и нежно поцеловать Гермиону в щеку.

"Рон!" — воскликнула она, касаясь места пальцами. — Когда ты успел стать таким взрослым?

— Всегда тон удивления, — возразил он, пожав плечами. — Что все-таки случилось?

Гермиона сосредоточенно закусилла нижнюю губу, пытаясь вспомнить подробности того, как они с Дамблдором оказались в лазарете.

— Меня искала МакГонагалл, — добавил Рон, когда ответа Гермионы не последовало. «Она сказала, что я должен пойти с ней в лазарет».

«Она говорила мне, что тебя ранили в кабинете директора, когда мы столкнулись со Снейпом», — продолжил Рон, почти выплевывая имя их нелюбимого учителя. — Он был в горячем настроении, бормотал что-то о том, что «такой же высокомерный, как его отец», — сказал Рон, переведя взгляд на Гарри. «Мы должны поблагодарить вас за еще один веселый урок зельеварения на следующей неделе?»

Гарри усмехнулся, узнав в тоне Рона скорее дразнящий, чем обвинительный тон. "Да. У нас были... слова ", сказал Гарри.

Гермиона молча кивнула, ее разум установил ментальную связь с горячими словами, которые она слышала, пока ее разум пытался прийти в сознание.

— В любом случае, — сказал Рон, улавливая ход его мыслей, — Старая МакГонагалл отвела Снейпа в учительскую, чтобы успокоить его, а меня отправила вперед. Одного я не понимаю, хотя — что ты делал в кабинете Дамблдора? офис в первую очередь, Гермиона?

"Я..." но ее ответ сошел на нет, так как она поняла, что ничего не помнит об этом визите.

— Дамблдор просил ее увидеть, — сказал Гарри, снова присаживаясь на край кровати Гермионы, а Рон занял место в кресле для посетителей.

Гарри, подхватив незаконченное объяснение Гермионы, затем начал излагать Рону все, что на самом деле произошло на дне озера во время второго задания, и, следовательно, причины, по которым Дамблдор вообще хотел ее увидеть.

— Черт возьми, Гермиона, — сказал Рон, который стал призрачно белым, когда Гарри рассказывал о почти катастрофических событиях под поверхностью, отчего его рыжие волосы казались еще ярче. — И об этом Дамблдор хотел с тобой поговорить?

— Да, — ответила Гермиона, нахмутив брови, пытаясь вспомнить детали, которые казались такими соблазнительно близкими, но снова ничего не поняла.

— Я верю, — ответил Дамблдор, снова заговорив своим обычным тембром. — Чтобы я мог предложить объяснение, мисс Грейнджер.

Никто не обратил внимания на то, что к профессору, казалось, вернули слух в столь удачный момент.

Мисс Грейнджер. Ее подсознание вытолкнуло беспорядочные воспоминания на поверхность двери, открывающейся в элегантную круглую комнату, где Дамблдор намеренно называл ее по-другому. Но, хотя ее разум признавал память важной; оно все еще было неясным, отказываясь полностью слиться в ее мысленном взоре, оставляя у нее больше вопросов, чем ответов.

«Мисс Грейнджер действительно посетила меня в моем кабинете», — продолжил директор, поглаживая свою тонкую бороду. «И мне с прискорбием приходится признать, что я являюсь причиной ее госпитализации», — торжественно объяснил он. «Как я однажды сказал тебе, Гарри, будучи умнее большинства, мои ошибки имеют тенденцию быть соответственно более серьезными. Сегодня вечером я виновен в одной такой ошибке».

Директор свесил свои длинные ноги с края кровати и, осторожно поднявшись на ноги, начал ходить по больничной палате, пока говорил. «Видите ли, когда я пригласил мисс Грейнджер в свой кабинет, я действительно имел намерение обсудить как неудачу моего заклинания успокоить ее, так и ее поразительные проявления продвинутой магии, но мое намерение изменилось, когда мои расследования показали, что кто-то в замок находился под действием Обратного зелья».

— А ты думал, что это Гермиона? Рон первым задал вопрос.

— Действительно, — признал Дамблдор. — И я действительно верил, что был прав, — продолжил он, стоя у изножья кровати Гермионы и обращаясь непосредственно к ней.

— Но вы больше в это не верите, сэр? — спросила Гермиона.

«Нет, мисс Грейнджер, не знаю. Во-первых, вы не могли ничего есть в течение нескольких

часов, а значит, если бы вы были замаскированы оборотным соком, его эффекты давно бы исчезли».

Гермиона кивнула, как в понимании слов директора, так и в том, что она поняла свою предыдущую вспышку воспоминаний, но Гарри опередил ее на следующий вопрос.

— Но почему ты подозреваешь Гермиону?

— Правильный вопрос, Гарри, — сказал Дамблдор, снова начав ходить взад-вперед. Как я уже сказал, сначала я был просто заинтригован развивающимися способностями мисс Грейнджер, однако, когда профессор Снейп представил мне доказательства того, что ингредиенты, которые могли быть предназначены только для единственной цели приготовления Оборотного зелья, были удалены из его запасов, Я начал подозревать».

— Драматические изменения магических способностей мисс Грейнджер, внешности и, возможно, больше всего беспокоят меня, ее отношения с тобой, Гарри... — Дамблдор остановился достаточно долго, чтобы посмотреть на него поверх очков-полумесяцев. " - заставило меня сложить два и два и получить пять."

— Я прошу вас простить глупого старика, мисс Грейнджер, — попросил он, еще раз переведя взгляд на Гермиону.

— Вы делали только то, что должны были сделать, чтобы защитить школу, сэр, — сказала Гермиона, принимая его извинения и делая это серьезно.

Дамблдор выглядел облегченным. «Спасибо, мисс Грейнджер. Прошло много времени с тех пор, как я был так молод, как вы трое, и, несмотря на то, что я столько лет провел с детьми вашего возраста, я часто забываю, как быстротечна юная любовь».

И Гарри, и Гермиона покраснели, но Рон выглядел задумчивым.

— Значит, по школе все еще бегают кто-то, замаскированный Оборотным соком? он сказал.

— Совершенно верно, — согласился Дамблдор, выглядя глубоко озабоченным.

"Сэр?" На этот раз вмешался Гарри. — Я до сих пор не понимаю. Ты сказал, что был причиной потери сознания Гермионы.

Лицо Дамблдора побледнело, и его правая рука ухватила за каркас кровати, чтобы не упасть. Он внезапно посмотрел каждое из своих одиннадцати десятилетий жизни. — Ты прав, Гарри, — сказал он, — и мне за это стыдно.

Каждый член трио взглянул друг на друга; каждый с одинаково пустым выражением лица. Выражения, которые Дамблдор явно уловил, потому что после короткой паузы, во время которой он, казалось, собирался с духом, продолжил:

«Мисс Грейнджер здесь проявила большую зрелость под пристальным вниманием; вместо того, чтобы заявить о своей невинности, что, я признаю, только усугубило бы мои подозрения, она спросила меня, как она может доказать мне свою личность».

Гермиона зажала рот рукой, когда воспоминание вернулось, словно джаггернаут. — Легилименция, — прошептала она.

Выражение лица ни Гарри, ни Рона не изменилось, очевидно, ни один из них не понимал малоизвестную ветвь магии, почти благоговейно прошептала Гермиона, но правая бровь Дамблдора потянулась к потолку.

— Значит, вы не прирожденный окклюменс, как я подозревал? Вы изучали эту дисциплину?

«Теперь настала очередь бровей Гермионы подняться вверх, обе ее брови поднялись к линии роста волос. «Я?» — пискнула она, расстроенная тем, что в тот момент она звучала как восьмилетняя девочка. «Нет, сэр. Я читала об этом, но я никогда - я не знала, что смогу... - ее голос оборвался, так как до меня дошел намек на то, что она применила вторую часть случайной продвинутой магии за столько дней.

«Кто-нибудь, пожалуйста, объясните, что происходит?» — сказал Гарри раздраженным тоном.

Дамблдор кивнул и снова присел на край кровати, которую он освободил. — Мне стыдно признаться, что я пытался читать мысли мисс Грейнджер без разрешения, Гарри, — объяснил он. «Я в некотором роде искусный легилименс. Но разум мисс Грейнджер казался мне не чем иным, как обсидиановой плитой; у нее самые сильные ментальные щиты, с которыми я когда-либо сталкивался. В спешке, чтобы оценить ее истинную личность, я начал мысленную атаку. на нее, которая, хотя и не обладала большой ловкостью, обладала огромной силой. Эта ментальная энергия отразилась на мне, вызвав мой крах, и, хотя я только предполагаю, усилие сопротивляться моему нападению на ее разум заставило мисс Грейнджер заново пережить очень много прошлые воспоминания; я думаю, не все из них приятные, — добавил он, бросив взгляд на Гермиону, — из-за чего и она потеряла сознание.

Гермиона кивнула, потому что, хотя она не могла вспомнить детали образов, которые возникло в ее подсознании, она знала, что они были очень тревожными по своей природе.

— Надгробие... — пробормотал Гарри.

— Прости, Гарри. Я пропустил это, — сказал Дамблдор. «Несомненно, затянувшийся эффект от забот мадам Помфри», — добавил он, и на его лицо вернулось прежнее мерцание.

— Я... я тоже потерял сознание, профессор, — признался Гарри, выглядевший соответственно смущенным, потому что не сказал об этом раньше. «Я думал, что мне это приснилось, но я думаю, что видел мысли Гермионы. Я видел могильный камень с именем Добби».

Гермиона ахнула, когда воспоминания вернулись потоком. — Я тоже это видел.

Директор издал невнятный звук. «Похоже, — сказал он наконец, — что у нас есть несколько новых вопросов, которые нужно добавить в наш растущий список. Не в последнюю очередь это ваша растущая магическая сила, мисс Грейнджер, почему в результатах ваших тестов не появилось никаких следов вашего заклинания гибернации, и как на мистера Поттера повлияло действие, которое должно было потребовать зрительного контакта».

«Не говоря уже о том, кто бежит по школе, замаскированный Обратным зельем», — добавил Рон.

— Вот именно, — сказал Дамблдор с задумчивым видом. «Но я затрудняюсь ответить на любой из этих вопросов».

«Я, возможно, смогу дать некоторые объяснения, директор», — раздался голос мадам Помфри, когда колдунья вышла из своего кабинета, сжимая в руке кусок пергамента.

<http://tl.rulate.ru/book/74435/2065334>